

— именно так назвала свою последнюю книгу замечательная актриса и режиссер **Серафима Германовна Бирман**, чье столетие со дня рождения отмечается сегодня.

Она прожила долгую, интересную жизнь в искусстве. Всякое было в ней — триумфы и неудачи, напряженная работа и годы простоя. Единственно, что не пережила акт-

риса, — равнодушия к театру, к творчеству.

Мне посчастливилось быть знакомым с Серафимой Германовной. Особенно запомнилась встреча в Музее МХАТа, в сентябре 70-х годов, когда незадолго до смерти она с потрясающей откровенностью, самоиронией говорила о себе и с огромной любовью о К. С. Станиславском, Л. А. Сулержицком, Вл. И. Немировиче-Данченко, Е. Б. Вахтангове, М. П. Чехове... Приведу лишь маленький фрагмент этого рассказа, но он о многом скажет.

— Жизнь моя, склоняющаяся к ночи, сняла с меня и темные, и розовые очки, — чуть слышно говорила С. Бирман. — Стыдно, что много лет я говорила полуправду, боялась защитить людей, любя и уважая их, поддаваясь общему психозу, пыталась хвалить бездарности... Не хочу никого чернить или сиропить. Я не эмигрировала, хотя

Из театрального дневника

СУДЬБОЙ ДАРОВАННЫЕ ВСТРЕЧИ

могла бы. Прожила свою жизнь вместе со страной, родившей меня, разделив весь маразм и все величие нашего государства. Понятие «Я — Человек» пришло ко мне на склоне лет. Спасибо Всевышнему, что это произошло. Ведь многие уходят в мир иной, так и не осознав себя как Человека.

Мои учителя, как мне сказать о вас? Как выразить свое восхищение великим мастерам? Чем отблагодарить за судьбой дарованные встречи? Одна из многих произошла во время работы над драмой А. Стриндберга «Эрик XIV».

Память о режиссере спектакля Е. Вахтангове, об исполнителе главной роли М. Чехове, об изумительном содружестве всех со всеми в процессе работы до сих пор рождает протест против очернения большого искреннего труда. Евгений Багратионович вел репетиции уже смертельно больным, презирая

свою боль. Все существо его было обращено к радостному труду творчества. Это было героичество вьявь. Частенько репетиции прерывались. Губы Вахтангова шептали: «Минутку...». Низко опустив голову, съжившись, с трудом стискивая зубы, чтобы не закричать от боли, он затаился. Проходило какое-то время, боль отпускала, лицо его оживало: «Продолжаем!».

Актёр Михаил Чехов не пользуется доброй славой. Как же! Эмигрант! А для меня он всегда был великим актёром. Разве можно забыть глаза Эрика — Чехова?! Знаю, что он тосковал по России, хотя и был прекрасен принят в Америке, снимался в кино, работал в театре, преподавал в знаменитой студии Ли Страсберга в Нью-Йорке, воспитав многих «звезд» американского театра и кино.

Работа над спектаклем «Эрик XIV» памятна еще и тем, что она

убедила меня, кажется, в простой истине — искусство всегда должно идти в ногу с жизнью. А пьеса как раз и была о нашем времени. Постановка говорила о том, что народ поруган властью, своим безумным монархом, обезличен его приближенными в парчовых одеяниях. Зрители понимали это — ведь всего лишь три года назад было свергнуто самодержавие. Но спектакль стал и предостережением недалекого будущего. До 1937 года оставалось каких-то 15—16 лет. Срок не такой уж и большой.

О многом рассказывала в тот вечер Серафима Германовна. Но сегодня мне почему-то вспомнилось именно это. Интересно, как отметить юбилей актрисы в Театре имени Моссовета, Ленком, МХАТе? Вспомнят ли об этом художнике, бескомпромиссном и легко ранимом? Положат ли на ее могилу хотя бы скромный букетик цветов? Сомневаюсь в положительном ответе. Но возможно, и к счастью, я окажусь не прав...

В. ВАХРАМОВ.

НА СНИМКЕ: **С. БИРМАН** в роли Королевы в спектакле «Эрик XIV».